

УДК 94(571.53)

Особенности государственной политики «штрафной колонизации» Прибайкалья в XVII–XVIII вв.

А. А. Иванов

Сибирская академия права экономики и управления, г. Иркутск

Статья посвящена анализу государственной политики «штрафной колонизации» Сибири XVII–XVIII вв. на примере Прибайкалья.

Ключевые слова: уголовная ссылка, государственная политика, заселение и освоение Прибайкалья, Иркутск.

История заселения и освоения Сибири неразрывно связана с уголовной ссылкой. Со времени прихода в эти места русских ссылка являлась важнейшим элементом колониальной политики государства. Земли у Байкала также заселялись не только казаками и вольными людьми, среди первых жителей были и те, для кого приход сюда стал суровым наказанием.

Политика заселения сибирской территории ссылными имела свою динамику. Отечественная историография в истории ссылки в Сибирь, как правило, выделяет два периода – московский и петербургский. Именно московская ссылка изначально определялась не только как средство для наказания и изоляции, но и как способ заселения новых земель, организации здесь «государевой службы». При этом провинившихся в чем-то служивых людей, казаков, детей боярских, отправляя в ссылку, по существу лишь перемещали на новые необжитые места, стремясь поручить им выполнение в «сибирской уkraine» трудных, важных и далеко небезопасных дел. Личные качества человека, его способности и знания, потребность в нем государства, а не его вина, определяли и место наказания.

В этот период труд ссылных составлял «службу», само состояние ссылного определялось как «чин». Преступники ссылались: собственно в службу, в посад и пашню. Ссылавшиеся в службу приверстывались в Сибири в дети боярские, в казаки конные или пешие и подчинялись общему ее порядку, установленному для прочих служилых людей с немногими ограничениями, например, не могли быть перемещаемы из города в город, или из чина в чин без разрешения московского правительства. Ссылка в посад заключалась в том, что ссылный прописывался в посадские тяглые люди в назначенном ему городе. Его положение не отличалось от положения обычных посадских людей.

Ссылка на пашню имела для Сибири исключительное значение: отсутствие своего хлеба сдерживало колонизацию края, делало положение гарнизо-

нов неустойчивым, зависимым от далекого центра. Государство всерьез заботилось о пашенных ссыльных: им отводилась лучшая земля, выдавались орудия производства, а также ссуда на «обзаводство» скотом. Часть урожая такой ссыльный был обязан сдавать государству, часть – оставлял себе.

Первые ссыльные в Прибайкалье появились, по всей видимости, в Илимском воеводстве. О систематической ссылке в эти края можно говорить применительно к 1640-м гг. В отписках, окладных, переписных книгах и челобитных за 1640–1650-е гг. упоминаются десятки имен ссыльных. Большая часть этих людей – выходцы из «черкашен», «черкасов», т. е. запорожских или украинских казаков, высланных в Сибирь за мнимые или действительные «измены». Все они были «пашенными ссыльными» и пахали государеву десятину. Их дворы дали основание многим деревням обширного Илимского воеводства.

Стремясь к прочному освоению новых сибирских территорий, московское правительство отправляло на государеву пашню в первую очередь людей семейных, приживавшихся здесь гораздо лучше одиноких ссыльных. Это хорошо видно и на примере «илимских черкас»: в 1644 г. из Енисейска сюда прибыло 17 казацких семей в составе 56 человек и только трех холостых. В 1653 г. было отправлено еще 18 семей (62 человека) и лишь 5 одиноких ссыльных. Все они были определены на пашню, при этом семейные адаптировались к сибирским условиям гораздо эффективнее: среди бежавших в 1656 г. в «Даурскую землю» илимских крестьян, например, не было ни одного семейного «черкаса» [1, с. 510].

В Сибири быстро обустроивались люди, хорошо знакомые с крестьянским трудом, умевшие грамотно распорядиться получаемой помощью. Однако среди ссыльных казаков были и нерадивые, не стремившиеся к работе на земле. Приведем характерную цитату из донесения воеводы И. Зубова, обвинявшего в 1672 г. часть илимских ссыльных в праздности и бражничестве: «И твоя, великого государя, ссуда денежная и хлебная, и лошади, и пашенные заводы: ральники и косы, и серпы, и топоры всякие, теряютца. Покиня твою, великого государя, десятинную пашню, бегают безвесно, неведомо куды и ссуду, и подмогу уносят. А поруки на них, бездомовых людей, в твоей, великого государя, ссуде и в подмоге, держать некому – никто не ручаетца» [1, с. 511].

Судьба ссыльных в Илимском воеводстве определялась нередко и сугубо местными потребностями: прибывший на государеву пашню, в зависимости от обстоятельств, мог быть поверстан в пешие или конные казаки. В. Н. Шерстобоев описывает случай с ссыльным Потапом Кустовым: узнав, что в Илимске освободилось место пешего казака, тот подал воеводе соответствующую челобитную. Приказная изба дала по этому поводу подробную справку – сколько полагается жалованья женатому пешему казаку: «денег 5 рублей, 2 чети полторы осмины ржи, 2 чети овса, 1¹/₂ пуда соли в год». Прикинув оставшийся в запасе провиант, воевода распорядился приверстать Кустова в пешие казаки по Илимскому острогу вместо посланного в Дауры служилого человека Микиты Черемисинова, дав «оклад» ушедшего. Также было приказано «провести» Кустова «по чиновной книге к вере, приправить его

имя в окладных именных книгах и послать об этом ведомость в хлебный стол» [1, с. 511].

Пашенный ссыльный, просивший перевести его в службу, должен был найти поручителей. Так, автор «Илимской пашни» приводит поручную запись, согласно которой за человека, сосланного в Илимск 10 лет назад, поручились: сын боярский, казачий десятник и четыре служилых человека. При этом, поручная была очень проста: если ссыльный возьмет жалованье и «скажется в нетях», то все убытки взыскивались с поручителей. [1, с. 516.].

Становление и развитие Иркутска-города также напрямую связано с политикой «штрафной колонизации». Среди первых жителей было много ссыльных, отправленных сюда или в казачью службу, или в посад. Так, писцовая книга за 1686 г. содержит имена тринадцати ссыльных, проживавших в Иркутске и его окрестностях в этот период. Большая часть из них – одиннадцать человек – были людьми «посадскими» и лишь двое – несли казацкую службу. Все ссыльные были присланы в Иркутск из центра страны, при этом восемь человек являлись уроженцами Москвы, а другие – Переславля-Залесского, Нижнего Новгорода, Пскова.

Писцовая книга фиксировала имя ссыльного, его социальный статус до высылки в Сибирь, род занятий и семейное положение в Иркутске. Например: «двор, а в нем иркуцкой казак Андрей Савельев сын Москвитин; по сказке его, родом, де, он москвитин, служил во дворе стольника Тимофея Богдановича Дубровского, а в Иркуцкой, де, прислан он по указу великого государя и по грамоте в казачью службу тому ныне 19 лет при приказном енисейском сыне боярском при Андрее Барнушлѣве, а служит, де, с пашни великого государя за хлебное жалованье, детей у него сын Федка, 25 л. в казачьей службе, женат» [2, с. 4–12].

Большинство иркутских ссыльных имели семьи: 69,2 % были женаты. Из писцовой книги непонятно, когда обзавелись семьями ссыльные – на родине или уже в Иркутске, однако опять же, как и в Илимске, можно проследить общую закономерность: в этот период московское правительство стремилось заселять Сибирь в первую очередь ссыльными «с женами и детьми».

Еще одна особенность ссылки этого периода – она была «вечной»: независимо от рода и места службы такие ссыльные, как правило, уже не возвращались из Сибири. Вместе с тем, внутри региона они, руководствуясь потребностями местных властей, могли перемещаться. Например, часть иркутских ссыльных ранее несли казацкую службу в Енисейске и Братском остроге и лишь по прошествии значительного времени направлялись в Иркутск. В 1691 г. воевода Л. К. Кислянский в отписке князю Я. И. Вяземскому сообщал, что отправляет обратно в Енисейск казака Ив. Хломина, пришедшего в Иркутск в 1688 г. «за ссыльными людьми в провожатых», которому «по нынешний, 1691 год, денежного, хлебного и соляного жалованья ничего не дано» [3, с. 157].

Ссыльные казаки по роду своей службы «передвигались» из Иркутска не только дальше на восток, что было бы логично и оправдано: государство «прирастало» новыми землями именно на востоке, но и в обратном порядке,

если того требовали обстоятельства. Это следует, например, из отписки Л. К. Кислянского великим государям за 1689 г.: «...И тех служилых людей, которые в байкаловских острогах на вечное житье из Енисейска переведены, ... велено по вашему в. государей указу, тех всех жителей перевести всех в Иркутской, чтоб в байкаловских острогах они, служилые люди, пашен не заводили и лесов под пашни не сбили и не жгли, и от того бы де зверь не выводился» [3, с. 214].

Со временем масштабы ссылки в Иркутск в казачью службу, а также в посад, только увеличивались. Так, в 1699 г., согласно «Имянной иркуцким ружникам и обротчикам и всяких чинов служилым людям книги царя великого князя Петра Алексеевича» здесь на «вечном житье» числись служилые «сургуцкие», «верхотурцы», «березовцы», а всего около семидесяти человек. В отписке воеводы Николаева за тот же год приводятся имена еще 20 ссыльных казаков и служилых, т. е. всего почти 90 фамилий. Если учесть, что население Иркутска в 1699 г. достигло 1000 человек, получим, что удельный вес ссыльных составлял здесь не менее 9 % [4, с. 24–27, 32].

Заметную роль играли ссыльные в социальной структуре и экономике Иркутска и в следующий период. Так, в 1780-х гг. в обывательской книге города было зафиксировано 50 домохозяев из ссыльных. Из них в мещанство было записано 10 человек, в цех – 32. С началом XVIII в. количество ссыльных в Иркутске быстро увеличивалось: только в 1800 г. здесь было обнаружено 157 поселенцев из разных уездов и около 400 беглых, бравшихся за любую работу. Есть основания считать, что именно эта категория городских низов служила основным источником формирования сибирского пролетариата [5, с. 40].

Окрестности Иркутска также заселялись ссыльными. В 1670–1680-х гг. здесь стали возникать заимки крестьян, среди которых немало было сосланных «за вины», а также «присыльных из беглых» – самовольно ушедших в Западную Сибирь, там пойманных и высланных дальше, к Байкалу. Начало деревни Смоленщины, например, было положено двором Митки Смоленского, сосланного «в десятинную пашню в Иркутской острог». В 1673 г. присыльные крестьяне Иванов, Каменев, Казаков, Андреев заселили земли «вверх от Иркутского острога по Ангаре реке на правой стороне у Курмы речки», где пахали «великих государей пашню». В эти же годы населялись ссыльными деревни Разводная, Панова, Уксусова, Щукина, Каргаполова [6, с. 230, 231].

В 1680 г. в Иркутский уезд прибыла партия ссыльных крестьян из Олонецкого уезда, из Москвы, из вотчин Тихвина монастыря, отставные подьячие, посадские люди. Основная часть прибывших была поселена в деревнях Уриковской и Кудинской слободы. В 1681 г. уриковские крестьяне просили увеличить им земельные наделы, так как «на тех отводных землях вновь поселены присыльные пашенные крестьяне Дениско Иванов с товарищи». За счет пополнения ссыльными число дворов Уриковской слободы выросло к 1682 г. с 16 до 20. Также увеличилось число дворов в Кудинской слободе, в деревне Талкинской количество дворов за десятилетие утроилось, с 9 до 27. В

эти же годы поступали коллективные челобитные о выдаче подмоги на 38 семей из Хомутовской слободы В книгах за 1693 г. помечено: «новоприсыльные пашенные крестьяне Хомутовской деревни великого государя десятинной пашни, пашут по полдесятине в поле рожью вместо ярового» [6, с. 238, 239].

Прибывшим ссыльным государство оказывало подмогу в виде денежной и материальной помощи, а также ссуды, подлежащей возврату. В первые годы заселения здесь преобладала натуральная подмога, ее размеры зависели от величины десятинного оклада. В 1681–1682 гг. обычно давали на десятину по 10 рублей и на десятину в ссуду – по 6 четвертей ржи и по 6 четвертей ячменя. Уже в 1681 г. близ Иркутска на пашне было около ста «ссыльных людей» [6, с. 237].

Не все пашенные ссыльные мирились со своей долей, немало бежало дальше на север или в Дауры. Так, в 1691 г. Л. К. Кислянский в отписке илимскому воеводе «господину Еремею Ларионовичу» просил сыскать и отправить к нему в Иркутск крестьянина Юдку Сидорова да ссыльного Тимошку Байдикова. В другой отписке за тот же год речь шла о поиске беглого удинского ссыльного Офоньки Семенова Лыхы. Для его поимки и доставки в Илимск был отправлен казак Ф. Челюшин, который «Офоньку нашел в Илимском уезде у пашенного крестьянина у Терешки Павлова, а тот де, Терешка, Офоньке тесть. И на заимке де у себя он, Терешка, с ссыльным, беглым человеком, с зятем своим с Афонькою Лыхою, да с пашенным крестьянином с Абакшею, ево, Федьку, били и увечили и отбили у него, Фетки, лошадь с седлом и с потники, топор, да шубу баранью» [3, с. 157].

С приходом XVIII в. связано начало ссылки петербургского периода. Ссылка этого времени стала принципиально отличаться от московской. Прежде всего, в ссылке появился новый вид наказания – каторжные работы. Указами Петра I каторга была официально включена в государственную карательную систему. Ее главным элементом стали тяжелые принудительные работы. Первые каторжные ссылались в Азов на парусные гребные суда, строили Петербург и Рогервик.

Не была забыта и сибирская окраина. Самым теснейшим образом связана с каторгой история Тальцинской стекольной фабрики. Известно, что генерал-губернатор И. В. Якоби в 1784 г. пожаловал Эрику Лаксману 10 десятин земли под постройки и 300 десятин для поселения работников из числа ссыльнокаторжных. В 1789 г. к заводу были причислены 8, а в 1795-м г. – еще четверо ссыльнопоселенцев. В 1829 г. на фабрике работало не менее 30 каторжан. Большинство из них жили в своих домах, имели коров, овец, держали огороды и сенокосные угодья. Одряхлевшие и неспособные к работе, содержались за счет фабрики, которая выделяла им ежемесячно по 2–3 руб. денежного пособия [7, с. 55–57].

Тельминская суконная мануфактура была также основана на невольном труде. В 1730-х гг. здесь было занято 87 работников из числа приписных ссыльнопоселенцев [8, с. 223]. Известно, что Иркутский (Усольский) и Усть-Кутский солеваренные, Александровский винокуренный, Николаевский железоделательный заводы широко использовали труд уголовных каторжан.

Ссылка петербургского периода – и это главное – резко изменила контингент ссылаемых. На смену пашенным крестьянам и черкашанам пришли ссыльные за уголовные «вины» – тати, убийцы, конокрады, мошенники. Именно в это время в видах скорейшего заселения края стала практиковаться высылка в Сибирь беглых. По указу от 15 июля 1729 г. в сибирскую ссылку из центра страны стали отправлять бродяг. Очередной импульс ссылка получила указом 1754 г., заменившим смертную казнь для преступников удалением их за Уральский камень. Все эти меры привели к тому, что среди ссыльных «в пашню» стали преобладать люди, далекие от крестьянского труда.

Резкое изменение контингента ссыльных хорошо заметно на примере и Прибайкалья. Так, из 17 человек, отправленных в 1702 г. из Енисейска в Илимск, по дороге бежало шестеро. В числе беглецов один был «раздьяконом», а двое – «Кузнецкой слободы тяглеца Карпова жена Савостьянова Домна с сыном». Среди достигших города, находилось четыре крестьянина, пять стрельцов, двое крепостных, один красноярский пеший казак, один «раздьякон» из Тулы, один подьячий и один тяглец». В 1720–1730-е гг. доля крестьян в партиях ссыльных, поступавших в Илимское воеводство, продолжала уменьшаться. Так, в 1729 г. из Тобольска в Илимск «во крестьяне» был прислан 71 человек. Среди них оказалось: 39 солдат, 8 крепостных, 8 монастырских крестьян, 9 государственных крестьян, ученик рабочего полотняной фабрики, посадский и «церковник». Таким образом, почти 55 % ссыльных этого года являлись бывшими солдатами, 35 % – были из крестьян и 10 % – из прочих сословий. Можно предположить также, что из общего числа ссыльных лишь каждый третий прижился на новом месте, остальные 2/3 самовольно отправились искать лучшей доли [9, с. 531, 621].

Среди уголовных преступников, выславшихся в губернию, было немало особо опасных. По данным В. Н. Шерстобоева, из 71 ссыльного, прибывшего в Илимск в партии 1729 г., 16 были наказаны за разбой (22,5 %), 11 – пошли в Сибирь за кражу (15,5 %), еще 11 – за поджоги, ложные доносы, фальшивые паспорта и подделку денег и лишь 25 человек – сосланы за побег. В партии 1732 г. по «разбойному делу» высылались 58 человек – 30,5 %. Все они перед отправкой были подвергнуты жестокому телесному наказанию: у 34 человек вырезаны ноздри, у одного отрезаны уши, 20 биты кнутом, 16 – «наказаны», но как – неизвестно» [9, с. 621].

Судьба колодников 1730-х гг. заметно отличалась от положения ссыльных XVII в. Большая их часть не получала пашни, а отдавалась зажиточным крестьянам в работники. Так, в партии ссыльных, прибывшей в Илимск в 1732 г., было 190 ссыльных мужчин, 16 женщин с 9 детьми, а также 6 вольных жен. Все они без исключения были разосланы по волостям и отданы крестьянам в работу [9, с. 621].

Дальнейшее изменение структуры ссылки происходит с принятием в декабре 1760 г. указа «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут». Согласно подсчетам А. Д. Колесникова, с 1761 по 1782 гг. в сибирский регион, согласно «рекрутских указов»,

было отправлено не менее 35 тыс. душ мужского пола. Если учесть, что в этот период женщины составляли 75–80 % от числа ссылавшихся мужчин, можно полагать, что за 20 лет сюда прибыло около 60 тысяч ссыльных и членов их семей. Часть из них использовались для заселения Московского тракта. В 1812 г. Н. И. Трескин в отчете об управлении краем писал, что за пять лет с 1806 по 1812 гг. «в Нерчинском округе по дороге вокруг Байкала и по тракту до границы Томской губернии водворено 9716 душ» [10, с. 354, 370].

Характерная особенность ссылки этого периода – ее массовый характер. Число ссыльных в Прибайкалье увеличивалось постоянно и на 1 января 1823 г. достигло 17819 человек. Большую часть их общего числа – 9574 – составляли сосланные в каторжные работы (53,7 %), 8090 человек – отбывали ссылку на поселения (45,4 %). Сосланных в ремесленные работы было незначительное число – 155 душ обоего пола, а причисленных в цех слуг – вообще не зафиксировано. В этот период среди ссыльных была довольно высокой доля женщин – 3157 человек, или 17,7 % [11, л. 383–386].

Согласно советской историографии, помещики, пользуясь указом от 13 декабря 1760 г., отправляли в Сибирь исключительно непокорных крестьян, «стихийных бунтарей и революционеров». Конечно, были и такие, но всё же есть все основания предположить, что большинство этих ссыльных составляли маргинальные элементы деревни, люди нерадивые, «порочные», от которых крестьянская община охотно избавлялась. Такие ссыльные не «садились на пашню», «не пускали корни» на новом месте, а пополняли ряды бродяг, занимаясь воровством и грабежом.

Проблемы, связанные с изменением контингента ссыльных, многократно усиливали отсутствие должной постановки самого «ссыльного дела». Ссылка по существу не знала организации: «счета» колодникам не было, ссыльные, отправленные в места водворения, довольствовались в пути милостыней, на ночлег просились к крестьянам, местное начальство нередко задерживало их в своих корыстных целях. Отсутствие порядка в «ссыльном деле» вело к массовым побегам и как следствие – к усилению числа бродяг. Бродяжничество, преступность беглых – вот что становилось главным результатом ссылки конца XVIII в.

Подведем итоги сказанному. Политика «Штрафной колонизации» Сибири, в том числе и Прибайкалья, на протяжении XVIII и XVIII вв. претерпела существенные изменения. Изначально государство, наряду с вольной колонизацией, стремилось использовать потенциальные возможности ссылки для заселения сибирского региона, развития здесь хлебопашества и городских ремесел. Уже со второй половины XVII в. сюда отправляли «в опалу» служивых людей, казаков, детей боярских для несения службы и заселения новых городов. В это время за Уральский камень ссылали стрельцов и казаков, помещая их «на государеву пашню» для выращивания десятинного хлеба. Государство стремилось оказать таким поселенцам посильную «подмогу», снабжая их семенами и орудиями труда. Ссыльные московского периода сыграли в истории заселения Прибайкалья важную позитивную роль, снабжая местным хлебом города и остроги.

В XVII в. государственная политика «штрафной колонизации» резко меняется: в Сибирь, в том числе и в земли у Байкала, стали ссылать уголовных преступников, беглых и отторгнутых общиной крестьян. В этот период ссылка стала рассматриваться в большей степени как мера карательная, проблемы заселения и освоения территории также учитываются, но гораздо слабее. Уголовные ссыльные плохо приживались на новом месте, не занимались хлебопашеством, их пребывание здесь лишь усиливало преступность. Ссылка этого периода не имела существенного значения в экономике региона. Присутствие значительного контингента преступных элементов в целом негативно сказывалось и на нравственном состоянии общества.

1. *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня : в 2 т. Т. 1. Иркутск, 2001.
2. Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883.
3. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века (г. Иркутска, Иркутского Вознесенского монастыря, Якутской области и Забайкалья). Иркутск, 1895.
4. Первое столетие Иркутска. Изд. В. П. Сукачева в память 250-летия Иркутска. СПб., 1902.
5. *Шахеров В. П.* Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв.: Очерки социально-экономической и культурной жизни. Иркутск : Оттиск, 2001.
6. *Кашик О. И.* Из истории заселения Иркутского уезда в XVII – начале XVIII вв. // Уч. зап. Иркут. гос. пед. ин-та. Благовещенск, 1958. Вып. 16.
7. *Бубис Н.* Тальцинская стекольная фабрика // Земля Иркутская. 1996. № 5.
8. *Шахеров В. П.* Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011.
9. *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. В 2 т. Т. 2. Иркутск, 2001.
10. *Колесников А. Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973.
11. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 1. (К. 2096).

Characteristics of the State Policy of «Penal Colonization» in Pribaikalye in the VXIIth – XVIIIth C.

A. A. Ivanov

Siberian Academy of Law, Economics and Management, Irkutsk

The article analyses the state policy of «penal colonization» to Siberia in the VXIIth-XVIIIth c. on an example of Pribaikalye.

Key words: criminal exile, state policy, settlement and exploration of Pribaikalye, Irkutsk.

Иванов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор Сибирской академии права, экономики и управления, 664043, г. Иркутск, ул. Сурикова, 1, тел. 8 (3952) 34-32-34, e-mail: ottisk@irmail.ru

Ivanov Alexandr Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Siberian Academy of Law, Economics and Management, 664043, Irkutsk, Surikov St., 1, phone 8 (3952) 34-32-34, e-mail: ottisk@irmail.ru